

УДК 342.72
DOI 10.21685/2307-9525-2021-9-1-11

Р. Р. Кильдеев

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация

КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СБОРА ИНФОРМАЦИИ О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ЛИЦА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация. В статье анализируются конституционные требования к сбору информации о частной жизни лица. Проведено соотношение с правом на неприкосновенность частной жизни (ст. 23 Конституции России). Представлена сравнительно-правовая характеристика с положениями зарубежных конституций (в первую очередь, стран Восточной Европы, принятых в конце XX в.). Выделены тезисы, указывающие на абсолютность запрета сбора такой информации без согласия самого гражданина, основанные на практике Конституционного Суда РФ. Указывается, что ст. 24 формулируется как конституционный запрет, что налагает дополнительные обязанности по его соблюдению на всех субъектов правоотношений. Проанализированы общие условия обработки информации о частной жизни лица. Показаны особенности экспериментального режима обработки персональной информации с помощью искусственного интеллекта, введенного в городе Москве в апреле 2020 г.

Ключевые слова: сбор, хранение, систематизация, информация, данные, частная жизнь, Конституционный Суд России.

R. R. Kil'deev

Penza State University, Penza, the Russian Federation

CONSTITUTIONAL REGULATION OF THE COLLECTION OF INFORMATION ABOUT THE PRIVATE LIFE OF A PERSON IN RUSSIA AND ABROAD

Abstract. The article analyses the constitutional requirements for the collection of information about a person's private life. Correlation with the right to inviolability of private life (Article 23 of the Constitution of Russia). The comparative legal characteristics with the provisions of foreign constitutions (first of all, the countries of Eastern Europe, adopted at the end of the twentieth century) are presented. Theses are highlighted, indicating the absolute prohibition of the collection of such information without the consent of the citizen himself, based on the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. It is indicated that Article 24 is formulated as a constitutional prohibition, which imposes additional obligations to comply with it on all subjects of legal relations. The general conditions for processing information about a person's private life have been analyzed. The features of the experimental mode of processing personal information using artificial intelligence, introduced in the city of Moscow in April 2020, are shown.

Key words: collection, storage, systematization, information, data, private life, Constitutional Court of Russia.

Статья 24 Конституции России устанавливает базовые основы сбора информации о личной жизни гражданина. Часть 1 предусматривает, что любые действия с такими сведениями без его согласия не допускаются. Рассматривая обратную ситуацию, следует отметить, что сбор возможен только с согласия самого лица. Часть 2 посвящена обязанности органов публичной власти знакомить каждого с материалами и документами, затрагивающими его права и свободы, но с оговоркой – «если иное не предусмотрено законом».

Необходимо отметить, что не многие конституции предусматривают аналогичные правила. Зачастую идет общее закрепление права на неприкосновенность частной жизни с некоторыми уточнениями или закреплением отдельных гарантий. Например, ст. 18 Конституции Республики Казахстан следует таким путем: закрепление общего права (ч. 1) дополняется указанием на ряд гарантий (ч. 2) и обязанность государственных органов и их должностных лиц обеспечивать гражданам возможность знакомиться с информацией, затрагивающей их права и свободы.

Более определенное содержание ст. 22 Конституции Литовской Республики, где ч. 3 предусматривает: «Информация о частной жизни лица может собираться только на основании мотивированного решения суда и только в соответствии с законом». Часть 4 гарантирует: «Закон и суд охраняют человека от произвольного или незаконного вмешательства в его личную и семейную жизнь, посягательств на его честь и достоинство».

Статья 18 Конституции Республики Македония закрепляет: «Гарантируется надежность и тайна личных данных. Гражданам гарантируется защита от посягательств на неприкосновенность личности и нанесения ущерба от собранной информации и обработанных данных».

Конституционные основы регулирования информационных отношений в Республике Молдова предусматривают также соответствующее специальное указание: «Право на информацию не должно наносить ущерб мерам, направленным на защиту граждан, или национальной безопасности» (ч. 3 ст. 34).

Объемное содержание ст. 51 Конституции Республики Польша подчеркивает значение регулирования информационных отношений. Это пример детальной проработки режима данных о частной жизни лица с точки зрения формирования ключевых принципов ее обработки, систематизации и хранения. В ней содержится несколько элементов:

- никто не обязан раскрывать информацию о самом себе (иначе – только на основании закона);

- публичные власти (используется столь широкий термин) не могут искать и собирать иную информацию о гражданах, чем та, которая необходима в демократическом правовом государстве. Показательно указание на необходимость, что подчеркивает исключительный характер. К тому же появляется оценочный критерий, соотносимый с требованиями демократического правового государства. Такой же запрет действует и в отношении открытия информации;

- предусматривается право каждого на доступ к информации о самом себе (за исключением случаев, предусмотренных законом);

- закрепляется право каждого на исправление и удаление информации (неправильной, неполной или собранной с нарушением закона);

- устанавливается законодательный порядок регулирования указанных отношений.

Тайна личных данных гарантируется ст. 38 Конституции Республики Словения. При этом запрещается их использование, противоречащим целям сбора. Есть также отсылка к отраслевому регулированию. Провозглашается право каждого на ознакомление с собранными персональными данными и на судебную защиту от злоупотреблений. Защите личных данных посвящена ст. 37 Конституции Республики Хорватия.

Таким образом, многие страны Восточной Европы предусмотрели в своих конституциях гарантии защиты персональных данных. Это связано с поздними сроками принятия Основных законов, когда автоматическая обработка личной информации уже стала прочно входить в практику органов государственной власти. Страны Западной Европы не пошли по пути такой детализации, рассматривая вопросы защиты через право на неприкосновенность частной жизни. Можно привести лишь некоторые примеры. Так, ст. 13 Союзной конституции Швейцарской

Конфедерации наряду с закреплением права каждого на уважение его частной и семейной жизни предусматривает также право каждого на защиту от злоупотреблений его личными данными. Статья 10 Конституции Королевства Нидерландов (принята 17 февраля 1983 г.) более подробна: «1. Каждое лицо имеет право на неприкосновенность частной жизни, за исключением случаев, которые установлены Актом парламента либо иными актами, изданными на его основе. 2. Порядок защиты права на неприкосновенность частной жизни при сборе и распространении информации о тех или иных лицах устанавливается Актом парламента. 3. Порядок информирования о базе данных на лиц и использования такой базы данных, а также исправления информации, включенной в базу данных, устанавливается Актом парламента».

Наиболее обширна по содержанию ст. 35 Конституции Португальской Республики (от 2 апреля 1976 г.), которая посвящена использованию информатики (так определено название статьи). Она достаточно объемна и охватывает различные элементы выстраиваемых информационных отношений. Так, предусматривается право каждого знать информацию о себе, внесенную в электронные картотеки и реестры, включая цели такой систематизации. Это право включает также право на обновление информации и внесение изменений (если это не противоречит закону о государственной тайне и судебной тайне). Уже тогда (напомним, Конституция была принята в 1976 г.) закреплялась необходимость определения персональных данных и условий их автоматической обработки, а также создания независимого административного учреждения, нацеленного на их защиту. Выделен запрет разглашения некоторой информации, в частности, указывающей на философские и политические убеждения, вероисповедание, этническое происхождение. Исключение: согласие самого лица или разрешение в законе, а также анонимная обработка статистических данных. При этом должно гарантироваться отсутствие дискриминации. Введен запрет на доступ к электронным картотекам и реестрам для получения персональных данных третьих лиц (за исключением случаев, предусмотренных законом). Обратим внимание: ч. 5 ст. 35 Конституции закрепляет: «Запрещается присваивать гражданам единственный в национальном масштабе номер». Провозглашается свободный доступ к информационным сетям общественного пользования.

Вернемся к анализу российских правовых норм. Прежде чем рассматривать конституционализацию ст. 24 в отраслевом законодательстве следует сделать ряд уточнений. Статья 24 коррелирует со ст. 23 Конституции РФ, закрепляющей право на неприкосновенность частной жизни. Указанное право имеет более давнюю историю своего конституционного закрепления (в том числе, в мировом масштабе), имеет более широкое содержание, а неприкосновенность охватывает собой и недопустимость произвольного сбора информации о частной жизни лица [1]. Сложно анализировать, что имелось в виду при выделении специальной ст. 24, тем более, что на тот момент (Конституция России была принята в 1993 г.) зависимость общества от цифровых технологий не была такой очевидной, как можно наблюдать в настоящее время.

Право на неприкосновенность частной жизни может подвергаться ограничениям, исходя из общего правила – ч. 3 ст. 55: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Между тем, ч. 3 ст. 56 Конституции РФ дополняет, что некоторые права «не подлежат ограничению», в числе которых имеется указание на ч. 1 ст. 23. В этом перечне содержится ст. 46, закрепляющая право на судебную защиту. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2006 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 336 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами

граждан К.А. Инешина, Н.С. Никонова и открытого акционерного общества "Нижнекамскнефтехим" предусматривает: «Право на судебную защиту относится к основным неотчуждаемым правам и свободам и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод, в силу статьи 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации оно не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах». Данная позиция поддерживается в юридической науке далеко не всеми учеными [2].

Противоречивость позиции Конституционного Суда РФ очевидна при обращении к иным его решениям. Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. №456-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Октябрьского районного суда города Ижевска о проверке конституционности абзацев первого и второго п. 1 ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» указывает: «Следовательно, законодатель, определив в абзацах первом и втором пункта 1 статьи 446 ГПК Российской Федерации пределы обращения взыскания по исполнительным документам на принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности жилое помещение, и ограничив тем самым право кредитора на надлежащее исполнение вынесенного в его пользу судебного решения, не вышел за рамки допустимых ограничений конституционного права на судебную защиту, установленных статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации». О рамках допустимости ограничений права на судебную защиту указывается и в Определении Конституционного Суда РФ от 20 октября 2005 г. № 382-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каширина Бориса Александровича на нарушение его конституционных прав подпунктом 1 пункта 4 статьи 51 Федерального закона "Об исполнительном производстве"».

С одной стороны, Постановление от 20 февраля 2006 г. №1-П можно считать формой преодоления собственной позиции, изложенной в упомянутых определениях [3]. С другой стороны, позднее Конституционный Суд России уже не выводил такой категорический императив о недопустимости ограничений права на судебную защиту. Например, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ "Нижнекамскнефтехим" и "Хакасэнерго", а также жалобами ряда граждан» содержание права на судебную защиту звучит гораздо «мягче» – абсолютность уже не упоминается: «Согласно Конституции Российской Федерации право на судебную защиту и доступ к правосудию относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод, оно признается и гарантируется согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (ст. 17 и 18; ст. 46, ч. 1 и 2; ст. 52)».

Однако указание на абсолютность права на судебную защиту (со ссылкой на Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2006 г. №1-П) присутствует в решениях иных судебных органов, как например: Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 20 августа 2019 г. № 33-9923/2019, Постановление Президиума Саратовского областного суда от 9 апреля 2018 г. по делу №44Г-8/2018, Апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 18 января 2018 г. по делу №33-79/2018 и др. (все указанные решения размещены в справочных правовых системах).

Приведенные доводы применимы и к ст. 24 Конституции РФ в силу ее упоминания в ст. 56 Конституции РФ. Иное бы означало, что текстуальное толкование Конституционным Судом РФ одних и тех же положений может иметь разнопорядковое значение и не подчиняться принципам единства, последовательности и стабильности. В этом случае предсказуемость оценки конституционности тех или иных законодательных установлений может перечеркиваться целесообразностью.

Обратим внимание еще на один значимый момент – ст. 24 сформулирована в виде запрета, что далеко не единственный пример такого текстуального закрепления. Например, ст. 29 Конституции устанавливает запрет цензуры. Есть и иные запрещающие нормы, хотя прямо не использующее слово «запрет». Так, ст. 30 Конституции РФ предусматривает: «Никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем». Статья 6 Конституции РФ: «Гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его». Запреты многими учеными рассматриваются как непреодолимые барьеры. Трудно себе представить обратную ситуацию и согласиться, что запрет может быть «подправлен» федеральным законом. Конституция России специально фиксирует запрет, чтобы он не подпадал под категорию ограничений. Ограничиваться могут права и свободы, но не запреты, адресованные именно законодателю. Можно согласиться, что в 1993 г. (когда обсуждался проект Конституции) вряд ли кто предполагал, что обработка больших объемов данных достигнет таких масштабов (причем так быстро). Но запрет, закрепленный ст. 24 Конституции РФ, находится в главе II Конституции РФ (защищенной, а значит, не подлежащей изменению без переработки всего текста Основного закона).

В настоящее время действует Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных», который допускает сбор и обработку информации о частной жизни лица без его согласия. Статья 10 Закона устанавливает специальные категории персональных данных, которые могут собираться и обрабатываться без согласия гражданина. Базовым нормативным актом выступает Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», статья 3 которого в числе принципов, определяющих правовое регулирование отношений, возникающих в сфере информации, информационных технологий и защиты информации, упоминает «недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия» (повторяя тем самым ст. 24 Конституции России). Кстати, согласно Определению Конституционного Суда РФ от 24 марта 2015 г. №699-О данный принцип (в совокупности с другими положениями закона) направлен на обеспечение разумного баланса конституционно защищаемых ценностей: доступа граждан к информации, с одной стороны, и защиту прав субъектов персональных данных – с другой. Одновременно ч. 8 ст. 9 Закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» дополняет: «Запрещается требовать от гражданина (физического лица) предоставления информации о его частной жизни, в том числе информации, составляющей личную или семейную тайну, и получать такую информацию помимо воли гражданина (физического лица), если иное не предусмотрено федеральными законами». В Определении Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. №1253-О представлена попытка дать толкование частной жизни лица, но без закрепления четких параметров. В конечном итоге Конституционный Суд России заявил: «Лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне, а потому и сбор, хранение, использование и распространение такой информации, не доверенной никому, не допускается без согласия данного лица, как того требует Конституция Российской Федерации». Многими учеными данная идея была воспринята как ограничение конституционной защиты только теми ситуациями, которые возникают в рамках закона. Антиправовая деятельность не подпадает под действие ст. 23 и 24 Конституции РФ [4]. Происходит распространение ограничительного толкования и на официальные отношения, когда гражданин раскрывает сведения о самом себе путем подачи заявлений, обращений (в том числе, заявлений о фактах преступного деяния) [5].

Федеральный закон «О персональных данных» воплотил в себе большинство достижений в области защиты данного вида сведений. Следует согласиться с И. А. Бачило: «Правовое регулирование персональных данных, включая защиту

прав граждан в этой части, является институтом, равно которому по степени легализации связи каждого субъекта с обществом нет» [6]. Статья 5 Закона связывает режим обработки персональных данных с целью формирования баз данных. Собранные сведения должны обрабатываться в целях создания баз, не предусматривая какие-то «побочные» задачи. Статья 6 определяет условия обработки персональных данных. Отметим, что в 2020 г. проводится эксперимент, связанный с использованием технологии искусственного интеллекта для обработки больших информационных массивов. Основой эксперимента стал экспериментальный правовой режим, введенный Федеральным законом от 24 апреля 2020 г. №123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"». Это способствовало повышению научной активности юридических исследований. Г. Ф. Ручкина отмечает: «Специальное регулирование со стороны инициатора (регулятора) должно включать следующие основные составляющие: регламент взаимодействия регулятора и субъектов; процедуры приобретения, приостановления и прекращения статуса субъекта площадки; введение обязательных условий участия (например, получение лицензий, разрешений и т.д.); регламент проведения мониторинга деятельности субъекта площадки; формирование обязательной системы защиты от негативных последствий применения искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники» [7]. В науке подчеркивается правильность экспериментального подхода, основанного на обезличивании персональных данных: «Важным новшеством Закона является установление основ работы с данными, требующимися для работы искусственного интеллекта, в том числе в вопросах хранения этих данных и обезличивания, что является важным юридическим вопросом для осуществления банками кредитного скоринга или формирования персональных предложений клиентам на основе анализа их финансового поведения» [8]. Кроме того, в юридической науке поднимается проблема расширения конституционной правосубъектности и ее распространения на искусственный интеллект, объединяющий в себе цифровые и когнитивные технологии (находясь на стыке информатики и биомедицины) [9]. Федеральный закон, устанавливающий экспериментальный правовой режим, закрепил невозможность ограничений прав и свобод человека и гражданина помимо уже имеющихся, введенных базовыми законами. Однако представляется, что вопрос о соблюдении ст. 24 Конституции РФ и ее дополнительном комментарии в условиях развития цифровых технологий и все большего распространения искусственного интеллекта еще будет подниматься в российской юридической литературе. Разработчики нейросетей уже указывают на способность искусственного интеллекта к саморазвитию. Насколько будут расширяться границы такого генезиса – этот вопрос многими исследователями остается без ответа.

Таким образом, сформулируем общие выводы:

1. Закрепление конституционных требований к систематизации и обработке данных о частной жизни лица – традиция, появившаяся во второй половине XX века, обусловленная возможностью автоматической обработки информации и появлением цифровых технологий. Это привело к появлению специальных норм в Основных законах стран Восточной Европы. Но и в этом случае присутствует краткость: предусматривается общий режим защиты сведений, затрагивающих частную жизнь лица; выделяются дополнительные права граждан по осуществлению контроля своего информационного статуса; предполагается независимая система контроля за деятельностью агрегаторов личных данных. В конституциях стран Западной Европы требования к сбору, хранению, распространению персональной информации вытекают из толкования общего права на неприкосновенность частной жизни. Детализация правил осуществляется на уровне специальных

отраслевых законов, о чем как раз происходит упоминание в конституционных положениях.

2. Российская Конституция предусматривает запрет на любые действия с информацией о частной жизни лица без его согласия. Такая категоричность нуждается в ограничительном толковании, хотя и сталкиваемся с определенными трудностями. В частности, ст. 46 Конституции указывает на абсолютность такого запрета, подтвержденную практикой Конституционного Суда РФ (применительно к иному праву – праву на судебную защиту). По-видимому, следует исходить из того, что информация о частной жизни лица относится к наиболее чувствительной, а значит, нуждающейся в особой защите. Особую защиту не следует отождествлять с абсолютностью запрета. Ни одно государство мира не обходится без сбора информации о гражданах, в том числе в обход их согласия. Во всех государствах отраслевое законодательство закрепляет основания такого сбора информации органами публичной власти.

3. Появление искусственного интеллекта, развитие нейросетей ставит на иной уровень вопросы защиты данных о частной жизни лица. Современные цифровые технологии позволяют с максимальной скоростью обрабатывать значительные объемы информации, связывая ее с конкретным гражданином, предоставляя при этом возможные варианты решения на полученные запросы. Все это обуславливает поиск нового баланса ценностей, в центре которого должен находиться сам человек, его права и свободы, в том числе связанные с недопустимостью произвольного вторжения в его частную жизнь. По-видимому, потребуется создание специальных механизмов, нацеленных на недопустимость сбора и систематизации информации о частной жизни лица. Это обуславливает проведение тщательных юридических исследований, нацеленных на обновление содержания ст. 24 Конституции России, ее предметное толкование.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Романовский Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни в конституциях, законе и юридической науке / Г. Б. Романовский // Гражданин и право. — 2016. — № 4. — С. 15–27.
2. Беляевская О. Я. Право личности на судебную защиту: проблемы классификации / О. Я. Беляевская // Конституционное и муниципальное право. — 2007. — № 11. — С. 6–11.
3. Романовский Г. Б. Конституционное право граждан на судебную защиту / Г. Б. Романовский // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2015. — Т. 3, № 1 (9). — С. 57–67. — URL: <http://esj.pnzgu.ru>. — Дата публикации: 30.03.2015.
4. Наумов В. В. Информационные инструменты в гражданском и арбитражном процессе: проблемы внедрения и критерии эффективности / В. В. Наумов // Арбитражный и гражданский процесс. — 2020. — № 7. — С. 7–12.
5. Бурков А. Л. Защита конституционного права на неприкосновенность частной жизни свидетелей административных правонарушений / А. Л. Бурков, А. В. Кудряков // Журнал конституционного правосудия. — 2014. — № 3. — С. 19–25.
6. Бачило И. Л. Важный шаг в регулировании информационных прав граждан / И. Л. Бачило // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2006. — № 11.
7. Ручкина Г. Ф. Некоторые вопросы формирования правовых условий использования искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники / Г. Ф. Ручкина // Банковское право. — 2020. — № 5. — С. 7–19.
8. Исмаилов И. Ш. Направления внедрения технологии искусственного интеллекта в банковскую деятельность: перспективы правового регулирования / И. Ш. Исмаилов // Банковское право. — 2020. — № 5. — С. 26–32.
9. Романовская О. В. Конституционная правосубъектность граждан в условиях развития биомедицинских технологий / О. В. Романовская, А. А. Рыжова. — Москва : Проспект, 2019. — 144 с.

REFERENCES

1. Romanovskii G. B. The Right to Privacy in Constitutions, Law and Legal Science. *Grazhdanin i parvo = Citizen and Law*, 2016, no. 4, pp. 15-27 (in Russian).
2. Beliaevskaia O. Ia. The Right of the Individual to Judicial Protection: Problems of Classification. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2007, no. 11, pp. 6–11 (in Russian).
3. Romanovskii G. B. The Constitutional Right of Citizens of Judicial Protection. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo» = Electronic scientific journal «Science. Society. State»*, 2015, vol. 3, no. 1 (9), pp. 57-67 (in Russian). Available at: <http://esj.pnzgu.ru> (accessed 20.01.2021).
4. Naumov V. V. Information Tools in Civil and Arbitration Proceedings: Problems of Implementation and Efficiency Criteria. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2020, no. 7, pp. 7-12 (in Russian).
5. Burkov A. L., Kudriakov A. V. The Protection of the Constitutional Right of Witnesses of Administrative Offences to Private Life Inviolability. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiia = Journal of Constitutional Justice*, 2014, no. 3, pp. 19-25 (in Russian).
6. Bachilo I. L. An Important Step in Regulating Citizens' Information Rights. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2006, no. 11 (in Russian).
7. Ruchkina G. F. Some Issues of the Establishment of Legal Conditions for the Use of Artificial Intelligence, Robots and Objects of Robotics. *Bankovskoe pravo = Banking Law*, 2020, no. 5, pp. 7-19 (in Russian).
8. Ismailov I. Sh. Areas of the Deployment of the Artificial Intelligence Technology in Banking: Legal Regulation Prospects. *Bankovskoe pravo = Banking Law*, 2020, no. 5, pp. 26-32 (in Russian).
9. Romanovskaia O. V., Ryzhova A. A. *Konstitutsionnaia pravosub'ektnost' grazhdan v usloviakh razvitiia biomeditsinskikh tekhnologii: monografiia* [Constitutional legal personality of citizens in the context of the development of biomedical technologies: a monograph]. Moscow, Prospekt Publ., 2019, 144 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кильдеев Рифат Расимович — аспирант юридического института Пензенского государственного университета, 440026, г. Пенза, ул. Красная 40, Российская Федерация, e-mail: rif-kildeev@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kil'deev Rifat R. — Post-graduate student, Institute of Law, Penza State University, 40 Krasnaya Street, Penza, 440026, the Russian Federation, e-mail: rif-kildeev@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кильдеев Р. Р. Конституционное регулирование сбора информации о частной жизни лица в России и за рубежом / Р. Р. Кильдеев // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2021. — Т. 9, № 1 (33). — С. 86–93. — URL: <http://esj.pnzgu.ru>. — DOI: 10.21685/2307-9525-2021-9-1-11.

FOR CITATION

Kil'deev R. R. Constitutional Regulation of the Collection of Information about the Private Life of a Person in Russia and Abroad. *Electronic scientific journal «Science. Society. State»*, 2021, vol. 9, no. 1, pp. 86-93, available at: <http://esj.pnzgu.ru>. DOI: 10.21685/2307-9525-2021-9-1-11. (In Russian).